

Чжоу Фэй была в очередной раз поражена полным бесстыдством этого так называемого принца Дуаня. Она подняла ногу и оттолкнула Инь Пэя в сторону трактирщика Хуа, сказав при этом: «Берегитесь, господин Бай».

Господин Бай на мгновение замер, не понимая, чего ему следует опасаться. Предположив, что Чжоу Фэй предупреждает его о нападении сзади, он быстро обернулся, чтобы посмотреть. Но в этот самый момент он услышал свист – резко повернув голову, он увидел, как тяжелое одеяло летит ему в голову.

Чжоу Фэй выбрала самое толстое на вид одеяло из всех, что сушились на заднем дворе гостиницы, и бросила его в лицо господину Баю. Господин Бай не мог видеть, что Чжоу Фэй спряталась за большим одеялом, и поспешно ткнул в него мечом. Но как только он это сделал, Чжоу Фэй быстро нанесла сильный удар ладонью и по одеялу. Эти две силы столкнулись в воздухе, в одно мгновение разорвав одеяло. Шквал ватных шариков взорвался в ночном воздухе, заслонив обзор господину Баю. И в эту долю мгновения сабля молниеносно пронзила клубящийся хлопок, пронеслась мимо меча в руке господина Бая и прижалась к его шее.

Прошла вечность с тех пор, как господин Бай был так основательно одурачен, как сейчас. В момент неосторожности его обманула молодая девушка – причём та, которую он всегда считал непоколебимо преданной и честной.

Чжоу Фэй тихо сказала: «Мои извинения».

С ее лезвием, прижатым к его шее, господин Бай мог только стоять неподвижно, чувствуя, как в животе поднимается кислое чувство. Но прежде чем он успел открыть рот, чтобы попытаться отговорить их, Чжоу Фэй быстро закупорила его точки давления. Она виновато поклонилась ему, сказав: «Я же говорила вам быть осторожнее».

Господин Бай: «...»

Хитрость его третьего господина явно передалась ей!

Се Юнь расхохотался:

- Bravo, bravo! У тебя есть немного энергии, которая была у меня, когда я был в твоём возрасте!

Инстинкты выживания Цзи Юньчэня, казалось, на этот раз пробудились, и он поспешно поманил их:

- Лорд Лазурный Дракон, вероятно, пришел сюда подготовленным. Для вас будет слишком опасно уезжать верхом в таком виде. Позвольте мне вместо этого показать вам другой путь.

Чжоу Фэй колебалась, но Се Юнь сказал:

- Давай последуем за ним.

Чжоу Фэй выгнула бровь. Се Юнь, казалось, знал, что она собиралась сказать, и прошептал:

- Позволь мне научить тебя еще одной вещи – в то время как некоторые люди могут совершенно неправильно тебя понять, тот факт, что некогда знаменитый герой добровольно опустился до такого жалкого состояния, показывает, что он, по крайней мере, довольно порядочный человек.

Хотя Чжоу Фэй не доверяла Цзи Юньчэню, она доверяла Се Юню немного больше, чем ему. Поэтому она поспешила за Цзи Юньчэнем, заметив через плечо:

- В таком случае, означает ли это также, что Его Высочество принц Дуань опустился до уровня обычного мошенника, потому что он довольно порядочный человек?

Ее сарказм, казалось, скатился со спины Се Юня, как вода со спины утки. Сияя в ответ на ее «комплимент», он сказал:

- Умница, ты действительно отлично разбираешься в людях!

У Чжоу Фэй не было слов.

И вот так просто хозяин гостиницы Хуа Чжэнлун, У Чучу, а также тот бледнолицый молодой человек Инь Пэй, который снова был обездвижен, присоединились к ним, чтобы сформировать небольшую группу неудачников в бегах.

Цзи Юньчэнь отвел их в подземный винный погреб на заднем дворе гостиницы. Сняв крышку с большой винной бочки, он открыл вход в потайной лаз. Там было темно, как ночью, и невозможно было сказать, как далеко простирается этот ход. Цзи Юньчэнь вытащил из кармана маленький самодельный фонарик и первым двинулся вперед.

Инь Пэй все еще был в лапах Хуа Чжэнлуна и не мог пошевелиться, но это не помешало ему открыть рот. Он хихикнул:

- Легендарный Клинок Севера теперь скромный работник ничем не примечательной гостиницы. И всё же он продолжает жить как на иголках, и ему приходится самому прокладывать себе путь к отступлению на случай, если кто-нибудь придет за ним. Вместо того чтобы вести достойное человеческое существование, он предпочел быть крысой и зарыться под землю. Как странно.

Хуа Чжэнлун спокойно парировал:

- А как насчет тебя? Вместо того чтобы вести достойное человеческое существование, ты предпочел быть собакой для кого-то другого. Тебе это тоже не кажется странным?

Инь Пэй выглядел совершенно опустошенным.

Когда молодой человек, казалось, немного пришел в себя, Хуа Чжэнлун продолжил:

- Я тот, кто вырыл этот потайной ход. Брат Цзи тут не причём.

Чжоу Фэй и Се Юнь не нуждались в его объяснениях, чтобы понять, почему он это сделал, но У Чучу не выросла в их мире и с любопытством спросила:

- Зачем вам понадобился такой секретный проход?

Хуа Чжэнлуна не беспокоило ее невежество, вместо этого он весело улыбнулся ей:

- Барышня, если таким людям, как мы, когда-либо понадобится скрыться, обычно это делается для того, чтобы избежать кровавых долгов, которые мы накопили в мире боевых искусств. Всё очень просто.

Цзи Юньчэнь, шедший впереди, внезапно зажег масляные лампы, висевшие по обе стороны потайного хода. Черный как смоль проход мгновенно осветился, тусклый свет лампы отбрасывал длинные и колеблющиеся тени на землю. У Чучу испуганно огляделась вокруг. Она почувствовала смутный запах сырости и разложения. Мох цвел в этом потайном проходе, который уже целую вечность не видел посетителей.

У Цзи Юньчэня был небольшой горб. Проведя свои дни, кланяясь клиентам или склонившись над плитой, его позвоночник со временем застыл в этом положении и, вероятно, никогда больше не сможет полностью выпрямиться.

Чжоу Фэй все еще думала о том, что Хуа Чжэнлун сказал У Чучу. Став свидетелем решительной безжалостности трактирщика, отрезавшего себе руку, она не совсем поверила, что он был из тех людей, которые выроют туннель, чтобы спастись от своих врагов. Она подумала, что более вероятно, что он сказал это только для того, чтобы Цзи Юньчэнь не казался таким трусом. «Куда ведет этот проход?» - спросила она.

- До подножия гор Хэн, - ответил Хуа Чжэнлун.

- Ах, - протянула Чжоу Фэй. Затем, через некоторое время, она снова спросила: - Фракция горы Хэн не возражала?

Поскольку многие фракции традиционно располагались вблизи гор или водоемов, знаменитые горы часто были домом для бойцов боевых искусств. Люди часто упоминали знаменитые «Ладони Горы Тай, Меч Горы Хуа, Извилистые Дороги Горы Хэн и Колючие Красоты Горы Эмэй». Так что само собой разумеется, что гора Хэн была довольно известной фракцией. Чжоу Фэй задала этот вопрос довольно небрежно, но, к ее удивлению, за ним последовало гробовое молчание.

Чжоу Фэй осторожно спросила:

- Что такое?

Се Юнь тихо вымолвил:

- В последний раз Север и Юг сражались здесь... вероятно, около шести или семи лет назад, и это была действительно жестокая битва. Фракция горы Хэн всегда пользовалась глубоким уважением здешних крестьян, и многие из ее учеников родились в этих краях. Они не могли спокойно стоять в стороне, пока их деревни были захвачены войсками. Но как только они ввязались в эту войну, они неизбежно навлекли на себя неприятности.

Хуа Чжэнлун добавил: «Это верно. Лидер фракции и ее старейшины все погибли в той войне. Как могли оставшиеся несколько младших учеников поддержать то, что осталось от фракции? Те ученики, у которых все еще были дома, куда можно было вернуться, вернулись домой, в то время как те, кто этого не сделал, ушли с недавно назначенным лидером фракции. Я слышал, что этот новый лидер был всего лишь самым молодым учеником бывшего лидера фракции, и только шестнадцать или семнадцать человек последовали за ним...» Он вздохнул и продолжил: «Никто не знает, где они оказались».

Чжоу Фэй удивленно моргнула и обернулась, чтобы посмотреть на гротескно пухлое лицо Хуа Чжэнлуна, а затем на Инь Пэя. Внезапно она почувствовала себя немного уныло.

Все эти великие эксперты двадцатилетней давности, казалось, исчезли с этой земли или их было почти невозможно найти - Клинок Юга умер; Клинок Севера удалился в пограничные регионы, оставив после себя ученика, который был выведен из строя; Клинок Гор и Рек Инь Вэньлань и вся его семья погибли, оставив только молодого человека сомнительного характера, чтобы продолжить свою родословную; одна половина Рук Поблѣкшей Славы сошла с ума, в то время как о другой не было слышно в течение десятилетия; а что касается «Рассеянного Божества» Пэнлая в Восточном море, то, похоже, этот человек никогда по-настоящему не бродил по миру боевых искусств, само его существование всё ещё казалось мифом.

А что касается всех этих фракций, некогда обладавших огромной властью и влиянием, то они распадались одна за другой. Гора Живых Мертвецов повсюду сеяла смуту, хватая все, что они могли найти; клан Хо пал и рассеялся по четырем ветрам; четыре основные даосские фракции ушли в уединение, занимаясь своими делами; фракция Шаолинь*умыла руки от мирских дел, погрузившись в молитвы и медитацию; и было прискорбно мало членов, оставшихся от пяти

основных Горных Фракций*, среди которых даже не было ни одного хотя бы наполовину приличного главы фракции... Все эти годы назад каждый из них был поистине великолепен. Но теперь все они канули в лету, рассеялись или погибли вдали от дома, задохнувшись с едва слышным стоном.

* не думаю, что мне действительно нужно это объяснять, но фракция Шаолинь - это вымышленная фракция боевых искусств, упомянутая в нескольких произведениях художественной литературы о боевых искусствах. Ее приветствуют как источник всех китайских боевых искусств и как ведущую ортодоксальную фракцию в мире боевых искусств. Это одна из крупнейших фракций, и ее членами являются преимущественно буддийские монахи.

** Пять Фракций Горных Мечей, которые, вероятно, были заимствованы из романа Луи Ча «Улыбающийся гордый странник» были союзом боевых искусств, включающим фракцию горы Тай, фракцию горы Хэн (Южную и Северную), фракцию горы Ху и фракцию горы Сун.

Небо над центральными равнинами, казалось, было окутано непроницаемым туманом мрака. Все его некогда яркие звезды теперь слабо светили и были на грани того, чтобы погаснуть, застоявшиеся и безжизненные. В эти беспокойные времена они были даже такими же уязвимыми и напуганными, как незащитные крестьяне на этой земле. Только эти Семь Звезд Большой Медведицы оставались внушительными и внушающими благоговейный трепет, вселяя страх в сердца всех.

А что касается огромного разнообразия навыков боевых искусств, кропотливо развивавшихся и передававшихся из поколения в поколение на протяжении тысячелетий, начиная от всех видов оружия - сабель, копий, мечей, топоров, крюков и вил - до всевозможных техник и формаций: все это, казалось, пришло в слабое, неуклюжее состояние, как только они достигли нынешнего поколения.

В отсутствие героев вместо них воцарились негодяи.

Чжоу Фэй погрузилась в раздумья. Когда Се Юнь внезапно остановился как вкопанный, она врезалась прямо ему в спину.

Се Юнь быстро успокоил ее, поддразнивая: «Я бы предпочел, чтобы ты вместо этого рухнула в мои объятия - ты не повредила нос?»

Чжоу Фэй шлепнула его по руке. Посмотрев за его спину, она увидела, что проход внезапно значительно расширился. В тусклом свете лампы она смогла разглядеть грубую деревянную хижину со скамейками и стульями, на которых они могли отдохнуть, и большим количеством еды, хранящейся в углу.

Цзи Юньчэнь обернулся:

- Пожалуйста, останьтесь здесь на ночь. Завтра, после того, как солдаты и этот ублюдок Лазурного Дракона покинут это место, я выведу вас отсюда. Тогда вам будет легче вырваться из их лап.

Инь Пэй холодно процедил:

- Сбежать? Шансы слишком малы. Разве ты не знаешь, что за человек Лорд Лазурный Дракон? Он будет преследовать любого, кто пренебрегает им, до конца этой земли. Неужели ты думал, что такой грубый маленький туннель, как этот, обеспечит тебе успешный побег?

Чжоу Фэй вспыхнула:

- Ты все еще надеешься, что твой учитель придет и спасет тебя? Тогда продолжай мечтать. Если он действительно догонит нас, я убью тебя первым. Сущий позор для своих предков, такой как ты, не стоит того, чтобы оставаться на этой земле. Если я приведу тебя с собой, я уверена, что никто там, внизу, не будет обижаться на меня за это.

Она думала, что Инь Пэй придет в ярость от этого, но вместо этого он странно улыбнулся ей:

- Спасти меня? Если Лорд Лазурный Дракон догонит нас, я буду первым, кого он убьет.

Видя, что его слова, похоже, не вызвали особой реакции ни у кого здесь, Чжоу Фэй на самом деле начала испытывать небольшую жалость к этому бледнолицему молодому человеку и спросила:

- Разве ты... не с ним? С чего бы ему хотеть убить тебя?

Инь Пэй презрительно посмотрел на нее:

- Ты ничего не знаешь.

Се Юнь внезапно заговорил:

- Я слышал, что в то время как другие фракции набирают учеников, Лорд Лазурный Дракон усыновляет крестников и дочерей – всего пока восемнадцать. Если Старейшина Девяти Драконов назвал тебя своим «молодым господином»...

Хуа Чжэнлун усмехнулся:

- Как благородно называть злодея отцом.

- Я бы не осмелился назвать его отцом, - сказал Инь Пэй. - 'Крестник' - это просто другое название унижения. Разве вы раньше не слышали, как жители деревни называют своих собак «сынок»? Мы должны ползать перед ним на четвереньках и можем подняться только тогда, когда он даст нам разрешение. Во время еды мы должны стоять на коленях у его ног, радостно ожидая еды из его рук. Только если мы не умрем после того, как съедим эту пищу, чтобы наш хозяин знал, что она не отравлена, он отпускает нас. Если он иногда бывает в хорошем настроении, мы можем даже получить от него дополнительный кусок мяса.

Говоря это, Инь Пэй пристально смотрел в спину Цзи Юньчэня. И без того сгорбленная спина мужчины, казалось, еще больше наклонилась вперед - само воплощение несчастья.

- Что касается меня, я всегда был самым умным, самым симпатичным и самым послушным, и Лорд Лазурный Дракон часто брал меня с собой, куда бы ни пошел. Но этот Старейшина Девяти Драконов был ничтожным прислужником, недостойным даже лизать ноги своего хозяина, поэтому у него не было выбора, кроме как подлизываться ко мне. Он думал, что, следуя за мной на этот раз, его ждёт простая задача - убрать беззащитного слабака, и он мог бы даже справиться с некоторыми вещами по пути, если ему повезет. Но никто не ожидал, что Клинок Юга будет окружен такими опытными бойцами - даже войска Южной Династии без колебаний примчались сюда за тысячи миль, и Старейшина Девяти Драконов, который полностью недооценил ситуацию, встретил здесь свою смерть. - Инь Пэй усмехнулся: - Если бы я всего лишь улизнул, чтобы поиграть в высокомерного человека в течение дня, это не было бы большим делом. Самое большее, что меня ждало бы после возвращения, - это побои. Но создание такого большого беспорядка снаружи, который не только привел к гибели одного из его способных помощников, но и разрушил его формирование «Разрушение гор и опустошение морей» - это не то, что может компенсировать простое избиение.

Цзи Юньчэнь, казалось, не слышал Инь Пэя, вместо этого занимаясь расстановкой стульев и столов в хижине. Он поставил маленький горшочек на только что разведенный огонь, намереваясь подогреть кувшин рисового вина. Но по какой-то причине его рука соскользнула, и кувшин упал на землю. Се Юнь обладал быстрой реакцией и поймал его до того, как он упал на землю.

- Осторожно.

Цзи Юньчэнь стоял там в оцепенении и жестом указал на Се Юня:

- Большое спасибо. Пэй, я поступил с тобой неправильно.

Хуа Чжэнлун сердито бросил:

- Даже если ты это сделал, ты более чем погасил этот долг за последние несколько лет. Он стал чьей-то собакой, да, но разве он не сделал это добровольно? Разве он этого не заслужил?

Инь Пэй рассмеялся, глядя на него с ненавистью в глазах.

Цзи Юньчэнь молчал. Он вытащил чистый носовой платок из-под своей мантии и вытер несколько старых чашек одну за другой, прежде чем налить в них дымящееся горячее рисовое вино для всех. Вино было не крепким и не могло опьянить. Оно было слегка сладковатым, и в нем все еще чувствовался привкус остатков риса. Маленького глотка было достаточно, чтобы тепло распространилось по всему телу, и сырость, висевшая в воздухе, казалось, немного рассеялась.

Взгляд Цзи Юньчэня был прикован к каменному столу. Он тихо сказал:

- Когда я был молод и только что овладел своей техникой, я был совершенно не осведомлен о необъятности этого мира. Но я настоял на том, чтобы покинуть пограничные районы, чтобы войти в центральные равнины и попрощаться со своим учителем. Хотя он и советовал мне этого не делать, я думал, что он постарел и стал робким, поэтому отказался слушать. Видя, что я принял решение, он строго наказал мне, что я всегда должен дважды подумать, прежде чем действовать. Он сказал: «Лезвие в твоей руке похоже на мотыгу фермера или счеты торговца – обе эти вещи являются инструментами для достижения цели, а не самоцелью. Не путай инструменты с их истинным назначением».

Здесь Цзи Юньчэнь сделал паузу. Его пристальный взгляд переместился на Чжоу Фэй, возможно, увидев в ней самого себя двадцатилетней давности. Чжоу Фэй отхлебнула рисового вина, снова прокручивая в голове слова Клинка Севера Гуань Фэна, обращенные к Цзи Юньчэню, пока ещё не в силах до конца их понять.

Цзи Юньчэнь продолжил:

- Конечно, я не слушал. Сабли - самое ужасное оружие, и если бы они обладали душами, «Рассекая Воду и Запутывая Шелк» были бы моими руками и ногами, самой моей душой и духом. Как это можно сравнить с мотыгой простого фермера или счетами торговца? И после того, как я вступил на территорию центральных равнин, я действительно смог править миром одним своим клинком. За короткое время я сделал себе небольшое имя и подружился со многими людьми. Я чувствовал себя непобедимым. Я мечтал основать свою собственную фракцию на центральных равнинах, чтобы Клинок Севера возродился. Поэтому в течение шести месяцев я бросил вызов семи самым известным экспертам и сумел победить их всех. К несчастью... до меня тоже дошли слухи.

Чжоу Фэй начинала чувствовать себя все более угрюмой по мере развития его рассказа – Ли Цзиньжун осмелилась ворваться в Северную столицу, чтобы убить императора в нежном возрасте семнадцати лет. Когда Дуань Цзюнянь едва исполнилось двадцать лет, она уже скиталась по миру непобедимой благодаря силе своих Рук Поблэкшей Славы. Теперь даже этот Цзи Юньчэнь, которого она презирала с самого начала, поразил мир своим клинком вскоре после того, как покинул дом, и имел большие амбиции основать свою собственную фракцию. Но что касается ее, то ее техника владения клинком была в лучшем случае средней. И как птенец, которого выгнали из гнезда до того, как оно было готово, с тех пор как она покинула дом, она могла только убегать от людей, идущих за ней. Она могла испытывать хоть малейшее чувство выполненного долга, лишь когда была перед такими людьми, как Се Юнь.

Впервые в своей жизни Чжоу Фэй почувствовала горькое разочарование в себе. Сравнивая себя с другими, она все больше убеждалась, что никогда в жизни не добьется ничего великого. Поскольку ее способности были настолько посредственными, то лезвие в ее руке не сильно отличалось от обычной мотыги или счетов.

Когда она шла по этой внутренней нисходящей спирали, У Чучу с любопытством спросила:

- Какие слухи?

- Я слышал, как люди говорили, что истинная причина, по которой Клинок Севера Гуань Фэн отступил в пограничные районы и десятилетиями отказывался снова ступить на центральные равнины, заключалась в том, что он был побежден Мечом Гор и Рек Инь Вэньланем. Говорили, это значит, что «Рассекая Воду и Запутывая Шелк» было всего лишь второсортным. И все же он по-прежнему бесстыдно осмеливался ставить себя в одну лигу со Снежной Саблей и называть себя Северным Клинком по сравнению с Южным Клинком Ли Чжэном. Чем ближе я подъезжал к поместью Инь, тем сильнее становились эти слухи. В гневе я бросил вызов Инь Вэньланю, чтобы раз и навсегда покончить с этими унижительными слухами, но мне было отказано.

- Хотя я не был готов отпустить это, Инь Вэньлань ответил мне с величайшим уважением и вежливостью, его слова и поведение успокоили мою ярость, как прохладный весенний ветерок. Когда я выходил из его дома, я столкнулся с маленьким мальчиком, который улизнул из поместья Инь. Он был умным малышом и не боялся незнакомцев...

Инь Пэй усмехнулся над этим. Было ясно, что он был тем маленьким мальчиком.

- Я догадался, что этот мальчик, вероятно, из семьи Инь, улизнувший, чтобы поиграть. Я хотел немедленно отправить его обратно, но он продолжал плакать и стелать, даже после того, как я попытался уговорить его. Тогда у меня было не так уж много дел, и я решил немного пройтись с ним по ближайшему рынку. Поскольку маленьким детям часто легко становилось скучно, после этого я мог бы отправить его домой. Но пока мы отдыхали на постоялом дворе, я случайно услышал, как тамошний бард исполняет стих, описывающий поражение Клинка Севера от Меча Гор и Рек. Я пришел в ярость, когда услышал это. Учитывая влияние семьи Инь, никто не осмелился бы сказать всё это прямо по соседству от их поместья без их скрытого одобрения. - Цзи Юньчэнь глубоко вздохнул, и его лицо значительно побелело: - Под влиянием порыва...

- Он взял меня в заложники и заставил моего отца принять его вызов. - Инь Пэй холодно рассмеялся: - Великий герой Цзи Юньчэнь, какой образец добродетели!

В маленькой хижине воцарилась тишина, все не знали, что сказать.